

Имя должно быть звучным

Возвращение Чу Цы в деревню вызвало немало пересудов.

В основном, конечно, судачили старушки, собиравшиеся у порога его дома. А виной всему была щедрость молодого сюая: он велел поднести каждой из них по чашке горячей сладкой воды.

В те времена, когда производство было еще неразвито, сахар считался редкостью и ценился порой даже выше соли. Соль была предметом первой необходимости, и правительство, как бы ни обстояли дела, старалось не лишать народ средств к существованию, строго следя за ценами. Бедняки могли есть пресную пищу, но совсем без соли не оставались.

С сахаром же всё обстояло иначе. Еще несколько десятилетий назад это лакомство было доступно лишь знати да богачам. И только когда один мастер случайно усовершенствовал способ варки, сахар постепенно стал появляться на столах обычных людей.

Для жителей деревни Чанси единственной сладостью круглый год оставались лесные фрукты да ягоды. Настоящий сахар они пробовали лишь по большим праздникам или когда в доме была беременная женщина.

И вот теперь, просто посидев немного во дворе семьи Чу, они получили по целой чашке сладкого питья. Старушки засмутились и засобирались было домой, но юноша настоял, чтобы они приняли угощение.

Впрочем, почтенные женщины не спешили осушать чаши. Они лишь осторожно пригубили лакомство, а затем под разными предлогами поспешили восвояси, неся драгоценную воду своим внукам.

Сахара Чу Цы не пожалел: даже если разбавить это питьё еще одной чашей воды, оно всё равно оставалось бы сладким. А поскольку Сяо Юань уже успел раздать большинству мальчишек арахисовый сахар, то эта сладкая вода — если только бабушки не были совсем уж пристрастны — досталась в основном девочкам.

В свои шесть-семь лет малышки уже вовсю помогали по хозяйству и редко выходили за порог, в отличие от сорванцов-мальчишек, которые могли стащить что-нибудь вкусное в лесу или поймать рыбу в реке.

Когда гости разошлись, матушка Чу немного поворчала для порядка, упрекая сына в излишней расточительности, но в глубине души она была несказанно горда — ведь он так почтил её перед всей деревней.

Чу Цы лишь улыбался в ответ. Он принялся доставать из корзины гостинцы, расставляя их на столе. Увидев кувшин с вином, Чу Гуан расплылся в довольной улыбке, за что тут же удостоился строгих взглядов матери и Сюнян.

Однако подарки вызвали у женщин и немалое замешательство. Если что делать с красными финиками, они знали, то при виде плиток эцзяо совершенно растерялись. Услышав же о высокой цене этого снадобья, они и вовсе побоялись к нему притрагиваться — не дай бог испортить такую ценность!

Сам Чу Цы тоже не знал точного рецепта. Он лишь помнил, как в его прежней жизни бабушка и мама принимали нечто подобное, но там средство было уже готовым к употреблению.

Как раз собираясь навестить старосту и лекаря Хуана, он решил разузнать всё у последнего. Старший брат вызвался проводить его — ему не терпелось запомнить рецепт, чтобы самому приготовить лекарство для жены и матери.

Шагая по тропинке, Чу Гуан нёс два свертка жёлтого табака и две упаковки итана.

— Младший, — заговорил он, — из тех пятидесяти лянов, что ты прислал со старостой, мы потратили уже больше половины. Купили два му заливных полей и один му суходольных. Земля там жирная, отборная, потому и обошлась дороже обычной. Пока ничего стоящего на продажу больше нет, так что, как вернемся, пусть Сюнян отдаст тебе остаток серебра.

— Брат, что за речи? Какое еще «твое» или «мое»? Это деньги нашей семьи. Невестка теперь полноправная хозяйка дома, ей и хранить казну. Если еще раз заведешь такой разговор, пожалуюсь матушке.

— Хе-хе, ладно, больше не буду, — простодушно отозвался Гуан. Помолчав немного, он вдруг тихо спросил: — Младший... ты не считаешь меня никчемным?

Чу Цы нахмурился и, остановившись, пристально посмотрел на собеседника.

— Брат, ты — лучший старший брат во всей Великой династии Вэй. Если бы ты был никчемным, наша семья давно бы пошла по миру с сумой! Неужели кто-то наговорил тебе глупостей, пытаюсь рассорить нас?

В памяти прежнего владельца тела сохранилось немало: родители никогда не отличались крепким здоровьем, и Чу Гуан еще подростком взвалил на свои плечи всё хозяйство. Летом, в страду, он целыми днями пропадал на пашне под палящим солнцем, боясь, что вода уйдет с полей и урожай погибнет; кожа с него тогда слезала клочьями. Зимой он уходил в горы за дровами еще до рассвета. Однажды он сильно разрубил ногу топором, но всё равно притащил домой две тяжелые вязанки и только потом зашел к лекарю Хуану перевязать рану — боялся, что дом останется без тепла.

Даже когда сам Чу Цы только очнулся в этом мире и не мог встать с постели, старший брат ухаживал за ним без тени ропота.

Если честно, по сравнению с Чу Гуаном прежний Чу Цы рос словно в меду. И если бы нынешний сюцай позволил себе хоть каплю пренебрежения к этому человеку, его можно было бы назвать только неблагодарным подлецом. К счастью, он таковым не был.

Слова Чу Цы согрели сердце старшего брата. Тот понимал, что во многом уступает младшему, и в его присутствии порой чувствовал себя неловко. Но уважение, с которым к нему относились, развеяло все сомнения.

— Да нет, никто ничего не говорил... Просто я давно не приносил в дом денег, вот и стало как-то не по себе.

На самом деле он подслушал случайный разговор соседей: мол, семье Чу теперь и работать не надо, Чу Цы один всех прокормит. От этих слов у него остался горький осадок — он не хотел быть обузой, тенью своего успешного брата.

— Брат, у тебя еще будет немало возможностей заработать. А вот мне после Нового года, скорее всего, придется снова уехать в уездную академию. Так что дом и земля останутся на тебе.

— Ну, об этом не беспокойся. Мы с Сюнян за всем присмотрим. И на твою учебу отложим!

За разговором они незаметно дошли до дома старосты. Его усадьба, расположенная в восточной части деревни, считалась лучшей в округе. Вместо плетня двор окружала глинобитная стена, а сам дом на восемь комнат был выстроен из добротного синего кирпича и крыт черепицей. Поговаривали, что на это строительство ушло не меньше семидесяти лянов серебра.

Ворота были приоткрыты. На стук из дома выглянула женщина.

— О, никак сюцай Чу и старший Чу пожаловали! Проходите скорее. Хозяин как раз вышел по делам, но скоро будет.

— Благодарим, тетушка. Староста всегда был добр к нам, и сегодня мы пришли засвидетельствовать свое почтение. Просим не судить строго за скромные дары.

Супруга старосты просияла, принимая свертки.

— Ох уж эти ученые люди, так ладно говорят, что и отказать невозможно! Садитесь, я сейчас принесу горячего чая, согреетесь с мороза.

Братья вежливо отказались, сославшись на то, что им еще нужно зайти к лекарю Хуану, и обещали заглянуть в другой раз.

У лекаря Хуана работа кипела: старик на заднем дворе ворошил сохнувшие травы. Услышав голос служанки, он вышел навстречу гостям.

— С чем пришли на этот раз?

— Лекарь Хуан, примите это в знак благодарности за вашу заботу. Но у меня и впрямь есть к вам один вопрос, если вы не слишком заняты.

Старик, не любящий лишних церемоний, велел служанке отнести гостинцы в дом, а сам присел напротив них.

— Спрашивай.

— Подскажите, как правильно готовить эцзяо? Я купил немного для матери и невестки, но боюсь ошибиться.

— Средство это доброе, кровь питает да силы укрепляет. Обычно из него готовят гуоань-гао. Положи плитку в котел, добавь грецких орехов, красных фиников или других сушеных плодов, да и уваривай до густоты. Как остынет — режь по куску в день да ешь.

Чу Цы поблагодарил лекаря и переспросил брата, всё ли тот запомнил. Чу Гуан уверенно кивнул, решив для начала попробовать приготовить небольшую порцию.

Обменявшись еще парой слов, они отправились домой — время близилось к обеду.

По дороге им встретился Сяо Юань. Малыш втиснулся между взрослыми и, вцепившись в их руки, принялся подпрыгивать на ходу, словно маленькая лягушка.

Дома Чу Гуан сразу прошел на кухню помогать женщинам, а Чу Цы подхватил племянника за шиворот — настало время проверить уроки.

Сяо Юань вмиг поскучнел. Мальчик нехотя притащил из комнаты стопку исписанных листов и осторожно разложил их перед дядей.

Первые страницы порадовали Чу Цы: иероглифы были выведены аккуратно, в каждом штрихе чувствовалось старание. Но чем дальше он листал, тем небрежнее становился почерк. Последние листы и вовсе напоминали каракули безумца. Лицо суючая посуровело, и он молча уставился на ребенка.

Племянник понурил голову, по щекам его покатались слезы.

— Дядя, прости... Я виноват.

— Помнишь наставления об учебе, которым я тебя учил? А ну, повтори.

— У-у... «Усердие приносит плод, а забавы — лишь вред... Коль в юности черноволосой не знаешь прилежания, в старости седой лишь горько пожалеешь... Один миг времени — как слиток золота, но золото не купит миг былой»...

Голос Сяо Юаня становился всё тише. Он явно осознал свою ошибку.

Услышав плач внука, матушка Чу хотела было выйти из кухни и заступиться, но Чу Гуан и Сюнян удержали её.

— Матушка, младший учит его уму-разуму. Если мы сейчас вмешаемся, сорванец и вовсе перестанет его бояться.

— Это кого ты сорванцом называешь? Неужто я вас так в детстве кликала? — матушка Чу, хоть и понимала правоту слов сына, всё же не упустила случая его пожурить. Сюнян прикрыла рот рукавом, пряча улыбку — всё-таки нужно было оставить мужу хоть каплю достоинства.

А во дворе Чу Цы продолжал наставление:

— Учение — как лодка, плывущая против течения: стоит бросить весла, и тебя отбросит назад. Если ты ленишься один день, придется трудиться несколько дней, чтобы наверстать упущенное. Запомни раз и навсегда: когда играешь — играй от души, но когда садишься за письмо — будь серьезен. Если не хочется писать, лучше пойд и набейся вволю, а потом вернись и сделай работу чисто. Это лучше, чем марать бумагу для вида.

— Дядя, я понял... Больше так не буду, — уныло пробормотал мальчик. Ему было невыносимо стыдно, что он разочаровал дядю. — Дядя... ты теперь меня не любишь?

Чу Цы привлек его к себе и погладил по маленькой голове.

— Глупыш, я всегда буду тебя любить. Просто я хочу, чтобы ты вырос достойным человеком. Знаний в книгах великое множество, и если не хвататься за них сейчас, потом будет поздно горевать.

— Я всё понял, дядя.

После обеда Чу Цы собрал семью за столом.

— У меня есть одна мысль... Я хочу забрать Сяо Юаня с собой в уездный город, чтобы он там учился.

— Что?! — в один голос воскликнули взрослые.

— Из-за тех старых обид сельский учитель так и не берет Сяо Юаня в школу. Мальчик растет, и если он не начнет учиться сейчас, то потом никогда не догонит сверстников. Я не могу оставаться дома, после праздников мне нужно возвращаться в академию. А здесь он просто потеряет время.

— Но разве в уездную академию берут таких крох?

— При академии есть Класс Просвещения. Правда, обычно там учатся дети чиновников и богатых помещиков. Я попрошу наставника, может, он и примет Сяо Юаня. В крайнем случае, в городе полно школ для начинающих. Поселимся вместе, буду сам его возить на занятия.

В комнате воцарилась тишина. Наконец заговорил Чу Гуан:

— Младший, я знаю, ты добра желаешь, но... не надо. Твои экзамены куда важнее. С ребенком на руках ты только будешь отвлекаться.

Ему как отцу было горько отказываться от такой возможности для сына, но мысль о том, что он может помешать брату, которому тот посвятил столько лет учебы, была еще невыносимее.

Чу Цы уверенно улыбнулся.

— Брат, если бы я не был уверен в своих силах, я бы не предлагал. Если один ребенок заставит меня забросить учебу, значит, грош цена моим знаниям. Сяо Юань — старший внук в нашей семье. Если он добьется успеха, отец на том свете будет вне себя от радости. Да и все предки рода Чу будут гордиться им.

Юноша был тверд в своем решении, и спорить с ним больше не стали.

Сюнян всё это время терзалась сомнениями. Сердце её пело от мысли, что у сына есть шанс выбиться в люди, но она боялась стать обузой для деверя.

Она пришла в эту семью, когда Чу Цы было всего восемь или девять лет, и он вырос на её глазах. Когда матушка болела, именно Сюнян заботилась о нем. В те годы, когда она сама не могла понести, она относилась к деверю как к собственному первенцу.

И вот теперь всё устраивалось наилучшим образом. Она твердо решила поставить завтра побольше свечей в храме, моля бодхисаттву защитить её семью и даровать им удачу во всех делах.

Чу Цы пробыл дома до двадцать второго числа, после чего вернулся в поместье Чжан. Проверив работы учеников, он с удовлетворением отметил, что те не бездельничали в его отсутствие.

Он разобрал все ошибки, а затем по памяти записал свои прежние сочинения и отдал им для изучения. После правок учителя Циня эти работы вполне могли служить образцом для подражания.

Через два-три дня настал день рождения Чжан Вэньхая.

Двадцатилетие и обряд увенчания шапкой — важнейшее событие в жизни мужчины. Семья Чжан, не скупясь, устроила пышное торжество, пригласив всех уважаемых людей города.

После долгих и сложных церемоний Чжан Вэньхай наконец обрел своё почётное имя. Море широко и просторно, а потому его нарекли Кочжи.

Отныне сверстники не могли называть его по имени, и Чу Цы с Фан Цзиньяном стали величать его Почтенным братом Кочжи.

Глядя на друга, Чу Цы невольно задумался: его собственный день рождения пришелся на девятый месяц следующего года. Пожалуй, пришло время и ему подыскать себе какое-нибудь по-настоящему звучное имя.

<http://bllate.org/book/15354/1422923>